

Селеменова Ольга Александровна

О МЕТАЯЗЫКЕ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В статье рассматривается вопрос о метаязыке описания структурных схем предложений в отечественной лингвистике. Указывая на достоинства и недостатки имеющихся метаязыков описания, автор выступает сторонником обозначения компонентов схем с использованием местоименных слов, конкретной и отвлеченной глагольной лексики, указателей падежей. В качестве иллюстрации заявленной позиции служит разработанный для конкретной группы структурных схем предложений (с семантикой "состояние природы") метаязык описания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 171-174. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. Щерба Л. В. О «диффузных» звуках // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность: сборник работ. Изд-е 2-е, стереот. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 147-149.
9. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность: сборник работ. Изд-е 2-е, стереот. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 77-100.
10. **Brosses Ch. de.** Traité de la formation mécanique des langues et des principes physiques de l'étymologie: 2 volumes in-12. Paris: Chez Saillant; Vincent; Desaint, 1765. Т. I. LIX+1+489+1 p.
11. **Velmezova E.** Éléments primaires du langage humain ou catégories psycholinguistiques propres aux langues? Les *interjections* chez L. V. Ščerba // Cahiers de l'ILSL. 2008. No. 24. P. 211-222.

**PART OF SPEECH STATUS OF INTERJECTION IN THE VIEWS
OF V. A. BOGORODITSKY AND L. V. SHCHERBA**

Samarin Dmitrii Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Baikal State University (Branch) in Yakutsk
dsamarin2011@yandex.ru

The article presents the interpretations of part of speech attribute of interjection by V. A. Bogoroditsky and L. V. Shcherba. In the process of the analysis the similarity in understanding the role of this variety of words in the formation of the human language by both Russian linguists is revealed. At the same time the fundamental difference of approaches by V. A. Bogoroditsky and L. V. Shcherba on the issue of inclusion of interjections into the structure of parts of speech is established.

Key words and phrases: interjection; part of speech; part of speech status; culture; emotional words; onomatopoeia.

УДК 81-367

В статье рассматривается вопрос о метаязыке описания структурных схем предложений в отечественной лингвистике. Указывая на достоинства и недостатки имеющихся метаязыков описания, автор выступает сторонником обозначения компонентов схем с использованием местоименных слов, конкретной и отвлеченной глагольной лексики, указателей падежей. В качестве иллюстрации заявленной позиции служит разработанный для конкретной группы структурных схем предложений (с семантикой «состояние природы») метаязык описания.

Ключевые слова и фразы: предложение; языковая единица; знаковый характер; структурная схема; метаязык описания.

Селеменова Ольга Александровна, д. филол. н., доцент
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
selemeneva1@rambler.ru

О МЕТАЯЗЫКЕ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Учение о структурной схеме, восходящее к работам основоположника Пражской школы функциональной лингвистики В. Матезиуса, связано с проблемой знакового характера предложения. Известно, что любая языковая единица, хранящаяся в памяти человека, воспроизводится в уже готовом виде в нужный момент. Это правило не вызывает сомнений и неукоснительно действует по отношению к таким языковым единицам, как фонемы, морфемы, лексемы, фраземы. Взгляды же на природу предложения (как единицу языка или единицу речи) в науке кардинально расходятся. С одной стороны, предложение – «образование неопределенное, неограниченно варьирующееся; это сама жизнь языка в действии» [2, с. 139]. С другой стороны, «все без исключения своеобразные черты спонтанной разговорной речи» [1, с. 60] восходят к неким закрепленным структурам.

О роли синтаксических моделей в мыслительной деятельности и возможности их воспроизводимости писал в 1929 г. неогумбольдтианец Л. Вайсгербер, опирающийся на данные опытов немецкого психолога О. Зельца: «...Схемы предложений зачастую уже присутствуют до того, как будет найдено слово, то есть на очень раннем этапе формирования мысли» [6, с. 76].

По нашему мнению, Б. Ю. Норман абсолютно прав, когда утверждает, что определенным шаблонным фразам нас учат с детства: «Не случайно азбуки начинаются с “серийных” примеров типа: *У Маши машина. У Шуры шары...* И взрослый человек даже самой творческой натуры, разумеется, использует в своей речевой деятельности готовые грамматические схемы – модели предложений» [15, с. 36].

Интерес к исследованию структурных схем простых предложений возник в русистике в 60-80 гг. XX века. По сути это была «первая волна» активизации изучения структурных схем, связанная с существованием на синтаксической арене формально-грамматического и функционального направлений. Формально-грамматическое направление определило структурную схему как некий абстрактный образец, представленный предикативным ядром предложения, его главными членами – сказуемым и подлежащим. Такой подход к структурной схеме был подвергнут критике со стороны научного сообщества за иллюзорность, замещение реально

существующего объекта искусственно сконструированным. Семантический же синтаксис сконцентрировался на взаимосвязи языка и мышления, информативного компонента предложения с референтной ситуацией и предложил субъектно-предикатный подход к структурным схемам. Это позволило признать как минимум двухкомпонентность всех структурных схем русского языка, рассматривать различные формы языкового выражения субъектива и предикатива.

К концу XX – началу XXI в. угасающий интерес к исследованию структурных схем разгорается вновь в связи с популяризацией исследований в области когнитивного синтаксиса. Одним из пионеров изучения структурных схем в когнитивном преломлении стала З. Д. Попова, интерпретировавшая языковую систему в качестве аналога системы математической с ее символами и операциями над ними (сложение, умножение, деление и др.). Результатом такого понимания стало осмысление лексем и фразеологических сочетаний в качестве знаков, представляющих образы явлений, понятий, вещей (аналог цифр и букв в системе математической), а структурных схем простых предложений как знаков разных видов отношений между указанными сущностями (аналог операций над цифрами) [7, с. 4-5]. Структурные схемы описывались как языковые знаки, означаемыми которых выступали типовые пропозиции (некие мыслительные образы множества однотипных ситуаций внеязыковой действительности), а означающим – облигаторные компоненты, образующие структурную схему с учетом ее информативной достаточности.

Неослабевающий интерес к структурной схеме, ее природе, составу компонентов и т.д. позволяет нам обозначить такую проблему, как проблему «семиотического моделирования» [10, с. 59], разработки единого метаязыка описания структурных схем.

В исследованиях по семантико-структурной организации предложений в русском и других языках можно найти разные способы обозначения структурных схем [3; 7-9; 12; 18-20], самым распространенным из которых является запись схем при помощи латинских символов (*Vf* – спрягаемая форма глагола (*verbum finitum*); *N* – имя существительное (*nomen* – имя, название) и др.) или корневых частей латинских слов (*cop* – связка (*copula*); *loc* – пространство, место (*locality*); *obj* – объект (*object*) и др.). Результатом такого описания структурной схемы становится символьная формула. Например, предложение «*Ее волосы пахнут лавандой*» построено по схеме: $N1 - Vf_{3pl} - N5$.

В случае подобного обозначения структурных схем возникает существенная проблема: одна формула способна представлять абсолютно разные образы ситуаций внеязыковой действительности, разные типовые пропозиции. Указать в символьной формуле именно на ту типовую пропозицию, что подвергается репрезентации, трудно. Например, можно сказать, что предложения «*Дорога в степь*» (НКРЯ. М. Шолохов. Пастух. 1925) [14] и «*Почти безветрие*» (НКРЯ. О. Глушкин. Письмо для Бога. 1990-1999) [Там же] построены по схеме $N1 - cop. - Loc$ (или $Loc - cop. - N1$), при этом компонент, именуемый как *Loc*, обозначает 'здесь, где-то в поле зрения Наблюдателя' (*здесь дорога, здесь безветрие*) и не вербализуется в речевой реализации схемы. Но ведь в первом случае обозначена типовая пропозиция «бытие объекта», а во втором – «физическое состояние окружающей среды» (в данном случае природы). Получается, что в основе приведенных примеров лежат образы абсолютно разных ситуаций экстралингвистической действительности, но при этом символьная формула, их обозначающая, одна и та же.

Приведем для иллюстрации еще один пример из монографии Т. С. Мониной «Проблемы тождества предложения» [13, с. 36-37]. Ученый предложения «*На душе тревожно*» и «*На улице тихо*» считает построенными по структурной схеме $Loc - Praed$, хотя и указывает, что первый пример описывает интеллектуально-психическое состояние человека, а второй – состояние окружающей среды. При обозначении структурной схемы символами разница в значениях приведенных примеров никак не проявляется, несмотря на то, что и номинируемые состояния различны (психологическое состояние живого существа и физическое состояние окружающей среды), и типы носителей этих состояний (человек и среда).

Трудности обозначения «семантического варьирования» в символьных формулах при соответствии одной формулы разным ситуациям отмечает М. И. Черемисина, которая считает целесообразным вводить в подобного рода формулы дополнительные знаки-дескрипторы: *h* (*homo*) – человек, *art* – артефакт и др. [20].

Запись схем с помощью местоименных слов, отвлеченной и конкретной лексики, полагаем, помогает снять вопрос о «семантическом варьировании» и указать на специфику языкового материала, отбираемого автором для анализа. Подобный метаязык описания структурных схем вполне информативен и апробирован в ряде работ [4; 5; 7; 11; 16; 17]. З. Д. Попова, ссылаясь на работу Н. Ю. Шведовой и А. С. Белоусовой «Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий», доказавших, что местоимения представляют смысловой исход словаря, указывает на важную роль местоименных слов как маркеров смыслов «каждой позиции как в позиционных, так и в ССПП, фиксирующих в конечном счете типовые пропозиции» [7, с. 19].

Для группы структурных схем, лежащих в основе высказываний с семантикой «состояние природы», нами был разработан следующий метаязык описания: «где есть какво» («*Здесь было свежо...*») (НКРЯ. М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь. 1993-2003) [14]; «где самопроисходит» («*Вокруг темнело*») (НКРЯ. И. Ефремов. Бухта радужных струй. 1944) [Там же]; «где пахнет чем» («*Кружились снежинки, и в лесу пахло весной*») (НКРЯ. С. Козлов. Правда, что мы будем всегда? 1969-1981) [Там же]; «где действует чем откуда / куда» («*...От Цимлы, от воды ее наносило холодом, словно лежали там, нетаянно, ледовые поля*») (НКРЯ. Б. Екимов. Высшая мера. 1995) [Там же]; «покрывает что (В.п.) чем» («*Все небо затянуло хмарью*») (НКРЯ. М. Бубеннов. Белая береза. 1942-1952) [Там же]; «где перемещает что (В.п.) откуда / куда» («*Опять с грохотом и страстью*»

пронесло лед, нагромоздив на берега торосы...» (НКРЯ. В. Распутин. Прощание с Матерой. 1976)) [Там же]; «где создает что (В.п., Р.п.)» («**В одни сутки намело сугробы, сковало зажоры, занесло дороги**» (НКРЯ. А. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. 1889)) [Там же]; «где разрушает что (В.п.)» («**Лед взломало, река тронулась...**» (НКРЯ. В. Шишков. Емельян Пугачев. 1939-1945)) [Там же]; «где есть какое состояние» («**Выжженная солнцем трава... Зной...**» (НКРЯ. В. Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...). 1973)) [Там же]; «что находится в каком состоянии» («**Море не замерзло**» (НКРЯ. В. Токарева. Зигзаг. 1984)) [Там же]; «что есть каково по состоянию» («**Нужно еще учесть, что море спокойно месяца три в году**» (НКРЯ. Ю. Казаков. Северный дневник. 1960)) [Там же]; «что есть какое по состоянию» («**Ветер еще был так силен, что море казалось кипящим**» (НКРЯ. Ю. Рытхэу. Когда киты уходят. 1970-1977)) [Там же]; «что есть в каком состоянии» («**Пинега в разливе...**» (НКРЯ. Ф. Абрамов. Дом. 1973-1978)) [Там же]; «что есть полно какого состояния / каким состоянием» («**Сухой и неподвижный воздух полон какой-то крепкой прохладой...**» (НКРЯ. А. Эртель. Записки Степняка. 1883)) [Там же]; «что погружается в какое состояние» («**Все в природе замерло и погрузилось в дремотное состояние**» (НКРЯ. В. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня. 1937)) [Там же]; «что есть погружено в какое состояние» («**Все было погружено в глубокий сон**» (НКРЯ. М. Загоскин. Брынский лес. 1846)) [Там же]; «где нет какого состояния» («**Три дня не было мороза...**» (НКРЯ. М. Пришвин. Лесная капель. 1943)) [Там же]; «что покрывается чем» («**Река Каменка покрывалась льдом раньше бойкой Березайки**» (НКРЯ. Д. Мамин-Сибиряк. Три конца. 1890)) [Там же]; «что есть покрыто чем» («**Очевидно, небо покрыто облаками**» (НКРЯ. А. Чехов. Огни. 1888)) [Там же].

Всего в собранном фактическом материале (его объем составляет более 9000 высказываний с семантикой «состояние природы») было выделено 19 структурных схем. Их «имянаречение» происходило с использованием отвлеченной глагольной лексики, местоимений и местоименных наречий, конкретной лексики, отрицательного слова *нет*, указания косвенных падежей (винительного, родительного).

Конечно, подобный подход к обозначению структурных схем имеет недостатки. Ведь символическая формула лаконична и легко воспроизводима, а предложенный метаязык требует значительной корректировки при исследовании разных групп предложений. Однако этот недостаток перекрывается несомненным достоинством – возможностью указать на репрезентируемую типовую пропозицию и снять вопрос о многозначности символической формулы.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. 153 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
3. Болотина Ю. Н. Модели элементарных простых предложений русского языка с семантикой местонахождения, построенные по структурной схеме N1-I'f-N4 // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 4. С. 45-51.
4. Бородина Н. А. Синтаксическая реализация концепта «мыслительная деятельность» в русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Елец, 2010. 22 с.
5. Бульниина М. М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русских и английских глаголов перемещения объекта) // Теоретические проблемы современного языкознания / под ред. И. А. Стернина и М. А. Стерниной. Воронеж: Истоки, 2009. С. 277-285.
6. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. Изд-е 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 232 с.
7. Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: Истоки, 2003. 196 с.
8. Всеволодова М. В. «Модели славянских простых предложений с учетом их типовых значений и речевых реализаций». Задачи и перспективы межнационального проекта // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. / укл. Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. Донецьк: ДонНУ, 2005. Вип. 13. С. 142-146.
9. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Изд-во АН СССР, 1970. 765 с.
10. Доброва В. В., Подлесова О. А. Семантические метаязыки и их особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 58-61.
11. Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): монография. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2002. 225 с.
12. Кошкарёва Н. Б. Глагольные безличные предложения в составе функционально-семантического поля стательности русского языка // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 4. С. 40-45.
13. Моница Т. С. Проблема тождества предложения: монография. М.: МПУ, 1995. 180 с.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.09.2011).
15. Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. 254 с.
16. Пешехонова Н. А. Предложения со значением создания объекта в результате физического труда: структура, семантика и функционирование: автореф. дисс. ... к. филол. н. Елец, 2008. 20 с.
17. Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: Истоки, 2009. 210 с.
18. Провоторова Е. Ю. Реализация структурных схем односоставных безличных предложений в произведениях «орнаментальной» прозы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 7. С. 101-104.
19. Русская грамматика: в 2-х т. / ред. Н. Ю. Шведова М.: Наука, 1980. Т. 2. Синтаксис. 709 с.
20. Черемисина М. И. Исследование моделей элементарного простого предложения в тюркских языках Южной Сибири [Электронный ресурс] // Гуманитарные науки в Сибири. Филологическая серия. 1997. № 4. С. 56-61. URL: <http://dalaruh.kz/articles/view/178> (дата обращения: 15.01.2016).

ON THE META-LANGUAGE FOR THE DESCRIPTION OF STRUCTURAL SCHEMES OF SIMPLE SENTENCES

Selemeneva Ol'ga Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Bunin Yelets State University
selemeneva1@rambler.ru

The article examines the issue of the meta-language for describing structural schemes of sentences in national linguistics. Pointing at the advantages and disadvantages of current meta-languages of description, the author acts as an advocate of denoting the components of schemes with the use of pronominal words, concrete and abstract verbal vocabulary, and the indicators of cases. The developed meta-language of description serves as an illustration of the proposed position for a concrete group of structural schemes of sentences (with the semantics of "the state of nature").

Key words and phrases: sentence; language unit; symbolic character; structural scheme; the meta-language of description.

УДК 415.413=20

Статья посвящена особенностям употребления авторских неологизмов в контексте технического текста и сложностям перевода их значений. Фокусируется внимание на трудностях, возникающих при переводе авторских неологизмов в технических текстах, а также на определенных типах неологизмов и способах образования неологизмов, принятых в научно-техническом языке в международной профессиональной среде в мире.

Ключевые слова и фразы: авторский неологизм; словообразование; научно-технический стиль; номинативные и стилистические неологизмы; точность речи; художественный стиль; метафора.

Сизова Наталья Зирадиновна, к. филос. н.

Березина Инна Андреевна

Касека Ирина Петровна

Томский государственный архитектурно-строительный университет
ms.sizova77@mail.ru; beresinna@gmail.com; igor_promte@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АВТОРСКОГО НЕОЛОГИЗМА И ПЕРЕВОДА ЕГО ЗНАЧЕНИЯ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Научно-технический прогресс влияет на лексический запас любого языка. Одни термины заменяют другие, начинают активно применяться в научной среде, затем сменяются новыми. Процесс заимствования иностранных слов заметно изменил состав технических терминов в русском языке. Кроме лидирующего заимствования существует еще один источник пополнения технического словаря – формирование совершенно новых терминов с помощью определенных способов словообразования. Это является причиной определенных сложностей при переводе технического текста с русского языка на английский. Этот важный аспект следует иметь в виду как автору, так и переводчику технического текста.

Необходимо провести анализ, который бы выявил основные особенности авторских неологизмов в технической сфере. Следует обозначить конкретные виды неологизмов, приемлемые в техническом языке, и основные правила словообразования, которые помогут понять истинный смысл значения конкретного технического термина.

Под неологизмом подразумевается «слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или для выражения нового понятия» [3, с. 341]. Новизна таких слов ощущается говорящими. Употребляя их в своей работе, следует иметь в виду, что существует большая вероятность того, что собеседник или переводчик не сможет адекватно перевести высказывание, содержащее неологизм. Авторские неологизмы редко становятся единицами словаря, хотя наиболее удачные и в результате признанные и необходимые термины включаются в определенное языковое пространство и далее – в справочную литературу.

Общественные и научно-технические достижения и открытия в области науки и техники являются причиной возникновения неологизмов. Абсолютная новизна неологизма является его главным признаком для большинства носителей языка. Но слово рассматривается как неологизм только очень короткий период. Как только слово входит в активное употребление, признак новизны утрачивается, слово постепенно вливается в лексическую систему языка как общеупотребительное, но в этом случае легче перевести и понять его смысл.

Сейчас, например, слова «луноход», «космонавт», «радар», «вертолет», «программирование» уже не считаются неологизмами. Однако эти слова были новыми для своего исторического периода (1970-1975 годы), но, освоенные языком, теперь легко узнаваемы и уже не воспринимаются носителями языка как новые. Иногда авторские неологизмы становятся актуальными на протяжении всего времени, независимо от смены исторических периодов и открытий. Например, «мятник», «насос», «притяжение», «ччертеж».